

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.375.4 (470)

Н.В. Зубаревич¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКОВ ТРУДА РОССИЙСКИХ МОНОГОРОДОВ

Проведена оценка реальной монопрофильности российских городов в конце 2016 г. и определена доля городов, в которых занятость на градообразующих предприятиях уже не соответствует критериям монопрофильности. Рассмотрено влияние кризиса на состояние локальных рынков труда и уровень зарегистрированной безработицы в них с выделением наиболее проблемных зон. Показаны различия трудовой мобильности населения моногородов и ее изменения в кризисный период. Рассмотрена взаимосвязь уровня монопрофильности и трудовой мобильности с уровнем безработицы в моногородах.

Ключевые слова: монопрофильные города России, рынки труда городов, трудовая мобильность, безработица.

Введение и постановка задачи. Проблема моногородов давно проявилась во многих индустриальных странах, но для России стала актуальной в основном в постсоветский период, при переходе к рыночной экономике, который сопровождался сильным и длительным кризисом, ростом безработицы. Повышенные риски развития из-за недиверсифицированной структуры экономики многих российских городов стали очевидными, эту проблему начали исследовать. В конце 1990-х Мировой банк профинансировал проект по оценке масштабов монопрофильности российских городов и выработке рекомендаций по поддержке, но средств на поддержку у государства не было. В период экономического роста 2000-х ситуация улучшилась, и моногорода перестали привлекать внимание властей.

Вновь моногорода оказались в фокусе внимания только в кризисном 2009 г. Федеральные власти сформировали официальный список моногородов на основе данных, полученных из регионов, и выделили значительные средства на поддержку. Наибольшая часть помощи досталась Тольятти, в основном его градообразующему предприятию, значительно меньше получил Нижний Тагил и совсем немного – еще менее десятка городов [4]. Стабилизация рынков труда моногородов помогло и субсидирование государством активных мер по поддержке занятости с 2010 г., субсидии получали все регионы.

В 2014 г. был создан Фонд развития моногородов для содействия развитию их инфраструктуры и диверсификации экономики. Суммарный объем средств Фонда невелик (7–10 млрд руб. в 2015–2016 гг.)², из них финансируются несколько инфраструктурных проектов, а также программа обучения управленческих кадров моногородов. Эти меры

не могут существенно снизить риски развития моногородов. В ходе нового кризиса их проблемы вновь обострились, но не так сильно, поскольку спад промышленного производства в России был относительно небольшим (менее 4% в 2015 г.) и прекратился к концу 2016 г.

Очевидно, что возможности государства по поддержке моногородов ограничены. В основном происходит эволюционная трансформация моногородов, во многих из них монопрофильность снижается под воздействием рыночных факторов.

Впервые масштабы проблемы моногородов в России были оценены в комплексном исследовании Экспертного института, проведенном при поддержке Мирового банка в конце 1990-х. Были определены критерии выделения моногородов, систематизированы данные об их числе, структуре экономики, занятости на градообразующих предприятиях и др. [10]. По критериям, разработанным Экспертным институтом, к монопрофильным относятся города, в которых градообразующее предприятие или группа предприятий одной отрасли производят не менее 25% объема промышленного производства и на них занято не менее 50% от всех занятых в городе. По данным за 1998 г., в России было выделено 466 моногородов (более 40% всех городов страны) и 332 поселка городского типа (пгт).

В других российских исследованиях проводилась оценка различий в уровне социально-экономического развития и разрабатывались типологии моногородов с учетом отраслевой принадлежности градообразующего предприятия [12], анализировалось географическое размещение моногородов и факторы их развития [6, 8], более детально изучались моногорода отдельных частей страны [13], а также моногорода крупного бизнеса [5]. На основе

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, профессор, докт. геогр. н.; Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, гл. науч. с.; e-mail: nzubarevich@gmail.com

² Сайт Фонда развития моногородов: http://www.fmrus.ru/?page_id=2

полевых исследований моногородов разрабатывались модели и сценарии их развития, учитывающие неоднородность географических условий и социально-экономических факторов [2, 15], оценивались блокировки развития и возможные направления политики инновационного развития моногородов [3]. Ближе к теме данной статьи исследование Н.Ю. Микрюкова, в котором предложены новые критерии выделения моногородов, оценены риски их социально-экономического развития, рассмотрены демографические тенденции и трудовая мобильность населения [9]. Зарубежные исследования моногородов фокусируются на инструментах региональной политики для решения проблем монопрофильности, что не является темой статьи.

Несмотря на значительную изученность проблемы моногородов, их рынки труда привлекали меньше внимания. Остаются открытыми три вопроса.

Первый вопрос – сколько в России реальных моногородов? Со времен исследования Экспертного института прошло почти два десятилетия, во многих городах и поселках градообразующие предприятия «сжались» или даже прекратили существовать. Новый список монопоселений был подготовлен Минрегионом в 2009 г., первоначально их было 334, после корректировок осталось 319, в том числе 228 городов и 91 пгт. Цель этого списка – определить моногорода, нуждающиеся в поддержке государства, особенно в период кризиса. Именно по этой причине в список не были включены моногорода нефтегазовой промышленности, поскольку они экономически более благополучны, а также закрытые города (ЗАТО) Минобороны, финансируемые из бюджета. Список составлен на основе перечня моногородов, подготовленного регионами. Власти регионов включали в него как можно больше городов в надежде получить федеральную помощь, нередко без учета критериев монопрофильности. Список Минрегиона трудно назвать адекватным, но он является официальным и используется федеральными органами власти.

Второй вопрос – как новый кризис, начавшийся с осени 2014 г., повлиял на рынки труда моногородов, насколько велики риски? Острота кризисных проблем более точно измеряется уровнем безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ). Однако для муниципалитетов и городов России есть данные только по зарегистрированной безработице, далеко не полностью отражающей проблемы локальных рынков труда, так как из-за низких размеров пособий по безработице уволенные зачастую не регистрируются в качестве безработных.

Третий вопрос – как моногорода и их рынки труда адаптируются к кризису и к длительным эволюционным процессам сжатия занятости на градообразующем предприятии? Существуют разные формы адаптации: переезд из города, возвратная трудовая мобильность, занятость в малом бизнесе, переход в теневой сектор экономики или в экономическую неактивность. В последние годы тема адаптации населения России находится в фокусе внима-

ния географов. В исследовании трудовой мобильности, проведенном под руководством Т.Г. Нефедовой, показаны ее значительные масштабы, разнообразие форм и широкая география [7]. Е.В. Антонов разработал методику, позволяющую количественно оценить разные формы адаптации рынков труда городов и дал такую оценку для всех городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, показав в том числе значительные масштабы занятости в малом бизнесе и теневой экономике [1]. Но моногорода в этих исследованиях специально не рассматривались. Оценка внешней занятости в моногородах в начале 2010-х (через соотношение численности занятых и экономически активного населения) проведена Н.Ю. Микрюковым: в 28% городских монопоселениях более трети экономически активного населения заняты вне поселения, в том числе в 15% распространена вахтовая занятость в отдаленных районах, а в 13% значительное развитие получили маятниковые миграции в близлежащий более крупный город [9]. Важно понять, сохраняется ли значительная трудовая мобильность во многих моногородах в период нового кризиса.

Материалы и методы исследований. Для анализа использованы данные мониторинга «Сведения о ситуации на рынке труда монопрофильных населенных пунктов РФ» Министерства труда и социальной защиты населения по всем городам и пгт из утвержденного списка. В нем содержится информация об общей численности населения, численности экономически активного населения и занятых в городе, в том числе занятых на градообразующих предприятиях, об уровне зарегистрированной безработицы. Анализ проведен по данным за октябрь 2016 г., для сопоставлений использовались данные за октябрь 2015 г.

Города и пгт рассматривались отдельно, поскольку в последних проблемы монопрофильности усугублены малой численностью населения и недоразвитостью городских функций. В работе использованы стандартные методы статистического анализа, позволяющие ответить на поставленные в статье вопросы. Сложнее ответить на последний вопрос, данные Минтруда недостаточны для выявления разных форм адаптации рынков труда моногородов: сопоставление численности работающих в городе и экономически активного населения позволяет выявить только дисбалансы, невозможно оценить, куда перемещается население на рынке труда – в теневую экономику в своем городе, на работу за его пределы, какая его часть становится экономически неактивной.

Результаты исследований и их обсуждение. Как показывают расчеты, в 2016 г. доля реальных моногородов, отвечающих критериям монопрофильности (доля занятых на градообразующем предприятии или группе предприятий одной отрасли не ниже 25%), составляла менее четверти от всего списка моногородов, а среди пгт – менее половины (рис. 1). Если добавить близкие к этому критерию (20–25%), то доля реальных моногородов достигает трети, а пгт – 52%.

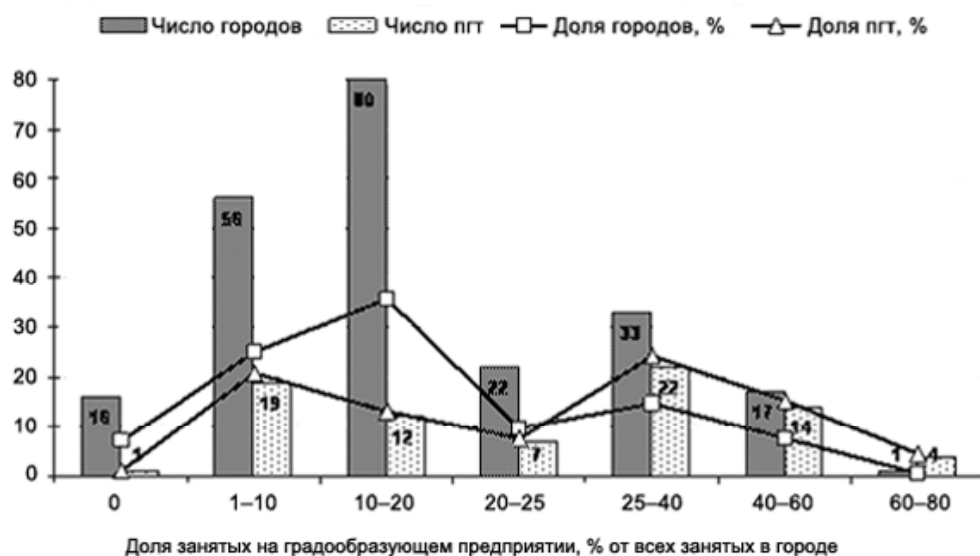


Рис. 1. Распределение монопрофильных городов и пгт по доле занятых на градообразующих предприятиях в октябре 2016 г. (доля занятых на градообразующих, в % от всех занятых в городе)

Fig. 1. Single-industry cities and towns distribution by the proportion of employees at the major companies, Oct. 2016 (% , excluding the closed administrative-territorial units)

Наиболее многочисленна группа городов, в которых доля занятых на градообразующем предприятии составляет 10–20% от всех занятых, еще в четверти она ниже 10%, а в 7% моногородов градообразующие предприятия не имеют занятых, то есть уже не работают. Таким образом более 2/3 городов, включенных в список Минрегиона, не соответствуют критерию монопрофильности.

Монопрофильность в большей степени сохраняется в пгт. Помимо неразвитости иных функций из-за малой численности населения, есть и структурные причины: среди пгт выше доля транспортных центров, функции которых более устойчивы; лучше выживают и пгт с предприятиями добывающей промышленности. Однако трансформация пгт более поляризована: почти половина сохраняет монопрофильность, но более трети фактически ее утратила, так как для небольших и чаще всего неконкурентоспособных предприятий обрабатывающей промышленности, которые существовали в пгт, риски «сжатия» выше.

В целом статистика показывает, что проблема монопрофильности сильно переоценена, к середине 2016 г. она в значительной степени «рассосалась» вследствие длительных эволюционных изменений структуры экономики многих российских городов. Это не означает, что жизнь в них улучшилась, снизились только риски значительного роста безработицы из-за проблем градообразующего предприятия.

Ответ на второй вопрос нужно начать с характеристики нового кризиса, начавшегося осенью 2014 г. Он не сопровождался ростом безработицы, как общей, измеряемой по методологии МОТ, так и зарегистрированной. В целом по России уровень и первой (5,3–5,8% в 2015–2016 гг.), и второй (1,1–1,2%) остается минимальным.

На некоторых локальных рынках труда безработица выросла существенно из-за проблем местных предприятий, но очагов риска немного. Приня-

то считать, что к ним в первую очередь относятся моногорода, рынки труда которых сильнее зависят от состояния градообразующего предприятия. Анализ показывает, что это не совсем верно: высокий уровень зарегистрированной безработицы имели только 2% моногородов и 4% пгт (табл. 1). В основном это небольшие города горнозаводского Урала со старыми промышленными предприятиями, чаще всего металлургическими (Миный, Сим, Нязепетровск, Верхний Уфалей, Усть-Катав, Бакал, Красновишерск), и Кузбасса (Салаир, Топки, Таштагол). География проблемных пгт шире. Эти же города и поселки отличались высоким уровнем зарегистрированной безработицы и в 2015 г., то есть проблема носит застойный характер.

В трети моногородов и пгт уровень зарегистрированной безработицы ниже среднего по стране, еще более чем в трети – близок к нему или незначительно выше. Таким образом, в этот кризис моногорода не стали «эпицентрами» проблем занятости, так как спад

Таблица 1

Распределение монопрофильных городов и пгт по уровню зарегистрированной безработицы в октябре 2016 г.

Зарегистрированная безработица, %	Число городов	Доля, %	Число пгт	Доля, %
Всего	228	100	91	100
В том числе с уровнем зарегистрированной безработицы:				
1 и менее	76	33	33	36
1–2	86	38	32	35
2–3	36	16	11	12
3–5	26	11	11	12
5–9	4	2	3	3
10 и более	—	—	1	1

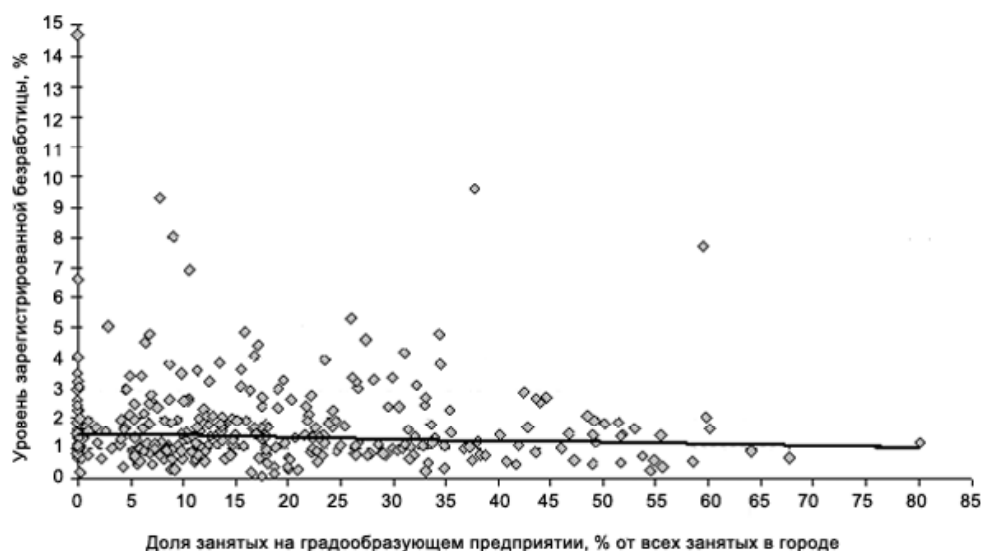


Рис. 2. Распределение монопрофильных городов и пгт по доле занятых на градообразующих предприятиях и уровню зарегистрированной безработицы в октябре 2016 г. (черным – линия тренда)

Fig. 2. Single-industry cities and towns distribution by the proportion of employees at the major companies and the recorded unemployment rate, Oct. 2016 (trend line in black)

промышленного производства был относительно небольшим. Но следует учитывать, что показатели зарегистрированной безработицы не вполне отражают состояние локальных рынков труда.

Оценка взаимосвязи между уровнем зарегистрированной безработицы в моногородах и долей занятых на градообразующем предприятии показывает очень слабую обратную связь: в городах с невысокой долей занятых на градообразующих предприятиях чаще наблюдается повышенный уровень безработицы (рис. 2). Можно предположить, что она выросла после проведенных сокращений занятости, но взаимосвязь слишком слабая. Кроме того, сравнение данных за 2015 и 2016 гг. показывает, что в наиболее проблемных по уровню безработицы моногородах не было резкого сокращения численности занятых на градообразующих предприятиях. Проблемы их рынков труда застойные.

Отсутствие взаимосвязи можно объяснить и тем, что Россия за четверть века прошла через несколько кризисов, которые произвели жесткую санацию монопрофильных городов. Сохранили монопрофильность в основном города с конкурентоспособными предприятиями, более устойчивыми к кризисам, и в таких городах уровень безработицы ниже. Но и эта гипотеза не всегда подтверждается. Например, малый город Сим Челябинской области сохраняет высокую монопрофильность (доля занятых на градообразующем предприятии – 59%) и одновременно высокий уровень зарегистрированной безработицы (7,7%). Похожая картина и в малом городе Миньяр той же области: при высокой доле занятых на градообразующем предприятии (38%) он имеет максимальный уровень безработицы среди моногородов (9,6%). Таким образом, более корректно утверждение, что высокая или низкая монопрофильность слабо влияют на уровень безработицы в городе.

Сложнее оценить по данным статистики, как адаптируются рынки труда моногородов, это можно сделать только для трудовой мобильности, сравнивая численность работающих в городе и численность экономически активного населения. В целом мобильность занятых невысока, почти в половине городов и пгт свыше 90% экономически активного населения работают по месту жительства (табл. 2). Монопоселений с высокой трудовой мобильностью населения (менее 70% работает по месту жительства) также немало – 26%. Их доля немного снизилась по сравнению с началом 2010-х (28%) под влиянием кризиса, затрудняющего поиск работы за пределами места проживания.

География городов с повышенной трудовой мобильностью населения разная, но можно выделить «ядра». Во-первых, это моногорода индустриальных территорий с агломерированным расселением (12 моногородов угледобывающего Кузбасса и 2 горо-

Таблица 2

Распределение монопрофильных городов (без ЗАТО) и пгт по соотношению численности занятых в городе и численности экономически активного населения

Численность занятых, %	Число городов	Доля городов, %	Число пгт	Доля пгт, %
Всего	225	100	91	100
В том числе с долей занятых от экономически активного населения				
90 и более	99	44	40	44
80–90	45	20	16	18
70–80	24	11	13	14
50–70	33	15	17	19
30–50	24	11	5	5

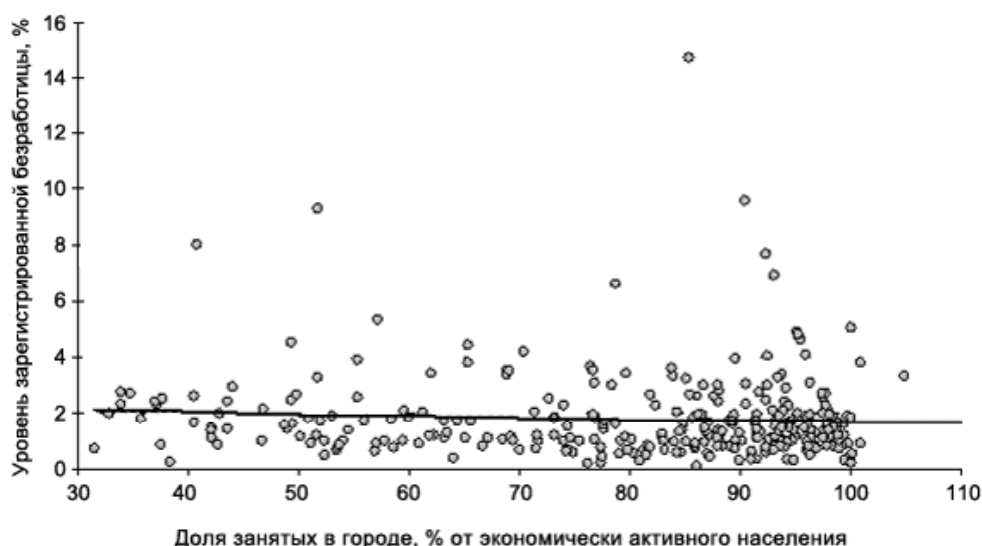


Рис. 3. Распределение монопрофильных городов и пгт по доле занятых в городе и уровню зарегистрированной безработицы в октябре 2016 г. (черным – линия тренда)

Fig. 3. Single-industry cities and towns distribution by the employment to city population ratio and the recorded unemployment rate, Oct. 2016 (trend line in black)

да российской части Донбасса), где многие работают в близлежащем соседнем городе. Во-вторых, моногорода областей, прилегающих к Московской столичной агломерации, в которую направлена трудовая миграция. Больше всего их во Владимирской области (Курлово, Кольчугино, Камешково, Меленки, Вязники). Это еще одно подтверждение роли географических факторов: трудовая мобильность населения моногородов в значительной степени обусловлена системой расселения.

Помогает ли трудовая мобильность населения моногородов смягчить проблему безработицы? Однозначного ответа нет, линия тренда показывает очень слабую отрицательную зависимость (рис. 3). Это можно объяснить тем, что в моногородах с более высокой трудовой мобильностью населения состояние градообразующих предприятий и в целом рынка труда хуже, чем в тех городах и пгт, где население работает в основном по месту жительства. Кроме того, мобильность способна только частично смягчить проблему занятости для всей массы моногородов с учетом дисперсности их размещения. Анализ рынка труда показывает, что многообразие факторов и условий развития российских монопоселений не позволяет выявить однозначные тренды.

Динамика численности населения и основных показателей рынка труда по всем моногородам под-

тверждает, что процессы демографического «сжатия» и структурных сдвигов на рынке труда продолжаются, а риски безработицы смягчаются (табл. 3):

- экономически активное население сокращается вдвое быстрее, чем численность населения из-за постарения возрастной структуры;
- численность занятых на градообразующих предприятиях снижается быстрее всего, вдвое опережая сокращение всей занятости в городе;
- численность обратившихся в службы занятости за пособием по безработице в 2016 г. уменьшилась, в том числе благодаря росту числа вакансий, хотя большинство вакансий составляют низкооплачиваемые и непрестижные рабочие места.

Демографическое «сжатие» не является спецификой моногородов, те же тенденции характерны для малых и средних городов России в целом [11, 14]. Не является спецификой моногородов и второй тренд – опережающее сокращение занятости на градообразующих предприятиях. Численность занятых на крупных и средних предприятиях и организациях давно снижается по всей стране: по данным Росстата, за 2000–2015 гг. она сократилась с 42 до 33 млн чел. С 2010-х годов оптимизируется не только занятость в негосударственном секторе экономики, но и в бюд-

Таблица 3

Динамика численности населения и занятости на рынках труда монопрофильных городов и пгт, октябрь 2016 г. к октябрю 2015 г., %

Все население	Экономически активное население	Занятое население	Занятые на градообразующем предприятии	Состоят на учете в службе занятости	Число вакансий
–1,0	–1,9	–1,6	–3,6	–8,0	13,2

жетной сфере. В результате усилился переток в неформальный сектор, по минимальным оценкам, численность занятых в нем превысила 17 млн чел. Эти проблемы типичны для всей страны, моногорода и их рынки труда меняются в рамках общего тренда.

Выводы:

– масштаб проблемы моногородов в России (в рамках их официального списка) сильно преувеличен, более 2/3 городов и треть пгт к 2016 г. утратили монопрофильность. При этом в пгт она снижалась медленнее, что обусловлено структурными факторами (большей устойчивостью транспортных и добывающих градообразующих предприятий) и неразвитостью альтернативных мест приложения труда;

– кризис слабо повлиял на рынки труда подавляющего большинства моногородов из-за относительно небольшого спада промышленности, завершившегося к концу 2016 г. Высокий уровень безработицы имеют только 4% пгт и 2% городов, рынки труда пгт более уязвимы по сравнению с городами по объективным причинам. Очаги напряженности в основном локализованы в малых индустриальных городах горнозаводского Урала со старыми промышленными предприятиями, особенно металлургичес-

кими, и в Кузбассе. В основном это моногорода с пока еще высокой долей занятых на градообразующем предприятии и застойными проблемами безработицы. Расчеты для всех моногородов показывают, что степень монопрофильности почти не влияет на уровень безработицы в городе;

– адаптация в виде роста трудовой мобильности в моногородах зависит от многих факторов, в том числе от системы расселения. Население почти половины моногородов немобильно, более 90% экономически активного населения занято по месту жительства, поэтому зависимость рынка труда от состояния экономики города максимальна. Высокую трудовую мобильность (свыше 30% занятых работают за пределами моногорода) имеют немногим более четверти моногородов, в 2016 г. их число сократилось по сравнению с началом 2010-х, поскольку в кризисных условиях стало меньше возможностей найти работу (маятниковые миграции, вахта, отходничество) за пределами места проживания. Кризис постепенно переходит в стагнацию и в ближайшие годы вряд ли можно ожидать диверсификации занятости в моногородах и роста трудовой мобильности, в отличие от роста теневой занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов Е.В. Социально-экономическое развитие и рынки труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1990–2010-х годах. Автореф. дис. ... канд. геогр. н. 2016.

Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 69–74.

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: URSS, 2015. 216 с.

Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад. М.: Поматур, 2005. 109 с.

Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 159 с.

Кузнецова Г.Ю. Географическое исследование монопрофильных поселений России. Автореф. дис. ... канд. экон. н. 2003.

Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

Микрюков Н.Ю. Монопрофильные поселения России в системах городского расселения // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 99–107.

Микрюков Н.Ю. Факторы и модели социально-экономической трансформации моногородов России. Автореф. дис. ... канд. геогр. н. 2015.

Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обзорный доклад / Под ред. И.В. Липсица. М.: Изд. дом «Хроникер», 2000 (в 4-х т.).

Нефедова Т.Г., Слепухина И.Л., Браде И. Миграционная привлекательность городов на постсоветском пространстве на примере России, Украины и Беларуси // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 2. С. 27–38.

Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России / Под ред. Г.Ю. Кузнецовой, В.Я. Любовного. М.: МОНФ, 2004.

Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2010.

Karachurina L., Mkrtchyan N. Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990–2000 s / Eds.: D. Szymanska, J. Chodkowska-Miszczuk // Bull. of Geography. Socioeconomic Series. 2015. № 28. Torun: Nicolaus Copernicus University. P. 91–111.

Zemlyanskii D. Yu. Single industry towns in Russia // Regional Res. of Russia. 2011. V. 1. № 1. P. 99–102.

Поступила в редакцию 07.02.2017
Принята к публикации 31.03.2017

N.V. Zubarevich¹TRANSFORMATION OF LABOR MARKETS
IN RUSSIA'S SINGLE-INDUSTRY CITIES

The actual situation in Russia's single-industry cities by the end of 2016 was evaluated and the proportion of cities where the employment at major enterprises already doesn't meet the single-industry criteria was calculated. The influence of crisis on the local labor markets and the unemployment rates recorded for them is discussed, and the zones with the most complicated situations are identified. Labor migration of single-industry cities inhabitants is analyzed, as well as its changes during the crisis period. The interrelation between labor mobility, proportion of the major company employees and the unemployment rate in single-industry cities is described.

Key words: single-industry cities, labor market, labor mobility, unemployment rate.

REFERENCES

- Antonov E.V.* Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye i rynki truda gorodov Urala, Sibiri i Dalnego Vostoka v 1990–2010 godakh [Social-economic development and labor markets of the Ural, Siberia and Far East cities in 1990–2010]. Avtoreferat dissertatsii kandidata geographicheskikh nauk. 2016 (in Russian).
- Karachurina L., Mkrtchyan N.* Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990–2000 s / Eds.: D. Szymanska, J. Chodkowska-Miszczuk // *Bulletin of Geography. Socioeconomic Series*. 2015. № 28. Torun: Nicolaus Copernicus University. P. 91–111.
- Kuznetsova G.Yu.* Geographicheskoye issledovanie monoprofilnykh gorodov Rossii [Geographical investigation of single-industry cities of Russia]. Avtoref. dis. ... kand. econom. n. 2003 (in Russian).
- Mezhdum domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii. [Return spatial mobility of the Russian population] / Pod red. T.G. Nefedovoy, K.V. Averkievoy, A.G. Mahrovoy. M.: Novyi Hronograph, 2016. 504 p. (in Russian).
- Mikryukov N.Yu.* Factory i modeli sotsialno-ekonomicheskoy transformatsii monogorodov Rossii [Factors and models of social-economic transformation of the Russian single-industry cities]. Avtoref. dis. ... kand. geogr. n. 2015 (in Russian).
- Mikryukov N.Yu.* Monoprofilnye poseleniya Rossii v sistemah gorodskogo naseleniya [Russian single-industry settlements in the urban settlement systems] // *Regionalnye issledovaniya*. 2015. № 3. P. 99–107 (in Russian).
- Monoprofilnye goroda i gradoobrazuyushchie predpriyatiya: Obzornyi doklad [Single-industry cities and major companies: Review] / Pod red. I.V. Lipsitsa. M.: Publishing house Khonikyer, 2000 (in Russian).
- Nefedova T.G., Slepukhina I.L., Brade I.* Migratsionnaya privlekatel'nost gorodov na post-sovetskom prostranstve na primere Rossii, Ukrainy i Belarusi [Attractiveness of post-Soviet cities for migrants: case study of Russia, Ukraine and Belarus] // *Izvestiya RAN, seriya geografiya*. 2016. № 2. P. 27–38 (in Russian).
- Puti aktivizatsii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya monoprofilnykh gorodov Rossii [Intensification of the socio-economic development of Russian single-industry cities] / Pod red. G.Yu. Kuznetsovoy, V.Ya. Lyubovnogo. M.: MONF, 2004 (in Russian).
- Turgel I.D.* Monofunktsionalnye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustoychivomu razvitiyu [Russia's single-industry cities: from survival to sustainable development]. Ekaterinburg: Isdatelstvo UrAGS, 2010 (in Russian).
- Zamyatina N.Yu., Pelyasov A.N.* Innovatsionnyi poisk v monoprofilnykh gorodakh: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i plan deystviy [Innovating search for single-industry cities: barriers to development, a new industrial policy and the action plan]. V.: URSS, 2015. 216 p. (in Russian).
- Zemlyanskii D.Yu.* Single industry towns in Russia // *Regional Res. of Russia*. 2011. V. 1. № 1. P. 99–102.
- Zemlyanskiy D.Yu., Lamanov S.V.* Scenarii razvitiya monoprofilnykh gorodov Rossii [Development scenarios for single-industry cities] // *Vestnik Mosk. universiteta. Seriya 5, Geographia*. 2014. № 4. P. 69–74 (in Russian).
- Zubarevich N.V.* Krupnyi biznes v regionah Rossii: territorialnye strategii razvitiya i sotsialnye interesy [The big business in Russian regions: spatial strategies and social interests] // *Nezavisimyi Institut sotsialnoy politiki*. M.: Pomatur, 2005. 109 p. (in Russian).
- Zubarevich N.V.* Regiony Rossii: neravenstvo, krisis, modernizatsiya [Russian regions: inequality, crisis, modernization]. M.: Nezavisimyi Institut sotsialnoy politiki, 2010. 159 p. (in Russian).

Received 07.02.2017

Accepted 31.03.2017

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Professor, D.Sc. in Geography; Institute of Social Analysis and Forecast, Leading Scientific Researcher; e-mail: nzubarevich@gmail.com